

С ТЕАТРАМИ у нас разнообразно

В один публика ходит, в другие почему-то нет. Одни не знают, как разместить толпу зрителей, другие главным образом размещают билеты.

Наивный читатель подумает, что первые театры процветают, а вторые «горят» и с черной завистью смотрят на первых. Отнюдь, дорогой мой читатель. Как выразился Абдурахман Нуреддин бин-Ахмад Джами (XV век), от зависти ослепнуть может разум.

Не смотрят «горящие» с завистью на «негорящих». И вообще термин «горящий театр», названный устарел. Отошли в прошлое времена, когда в такой театр выдвигали пожарных и те, скинув маски и сложив багры, смотрели увлекательный спектакль о том, как новатор Клава полюбила консерватора Петю, от чего Петя мгновенно перековался и внес ценное предложение.

С Клавой и Петей ныне покончено, предложения вносят театральные бухгалтеры. Они говорят:

— А почему бы нам не сдать зал в аренду под слет передовых поваров?

У ВРАТ ХРАМА

ФЕЛЬТОН

— А почему бы не организовать в фойе танцы под джаз?

— А почему бы не устроить желтую платную елку для детей подшефной стройконторы?

Предложения с восторгом принимаются.

В зале, где прежде царил Мельпомена, обсуждаются вопросы приготовления шницеля из баранины, в фойе танцуют невысказанный танец «мичуган» — что-то среднее между американским озером Мичиган и русским понятием «хулиган», а в артистических уборных ведущие актеры клеют к подбородкам капроновую мочалу и готовятся отразить светлый образ деда-мороза на современном этапе.

Главный режиссер кусает ногти и уходит в никуда. Главный бухгалтер облизывает указательные пальчики и подсчитывает выручку. Отныне самый главный в театре он.

Неведомо откуда появляется

правая рука главбуха. Правую руку зовут Анна Васильевна Малиновская. По договору она распространитель театральные билетов, но именует себя несуществующим в штатном расписании званием: «администратор целевых мероприятий». Администратор — это не распространитель, администратор — лицо официальное и облеченное полномочиями.

Правая рука быстро захватывает инициативу и проявляет бешеную энергию. В театральную кассу текут деньги. Они текут ручейками из разных мест и образуют бурную реку. Бурная река превращается в водопад. Точнее, в деньгопад.

Трест Ленмостострой перечисляет Областному театру драмы и комедии сначала 200 рублей, потом 380, а следом еще 600 рублей. За что? За аренду помещения для проведения совещания.

Центральное производственное

ремонтное предприятие «Ленэнерго» перечисляет театру 1.002 рубля. За что? За аренду помещения для конференции рационализаторов. Как позже выяснилось, конференция не было, были только деньги.

Управление «Севергониоляция» переводит театру 6.110 рублей. Как указано в документах, за аренду помещения для проведения слетов бригад коммунистического труда. Слеты проводились неожиданно часто: 13 февраля, 25 июня, а также 29 июня, 16 декабря, 20 декабря и еще один раз без точной даты.

Но особенно тесная дружба завязалась между Областным театром драмы и комедии и трестом Лендорстрой. Во имя этой дружбы трест осипает театр безналичным дождем. Постройком треста перечисляет театру 500 рублей. За «культобслуживание». Потом еще 120 рублей. За «твор-

ческие встречи». Потом еще 200 рублей. За «аренду». После чего в игру вступает администрация треста, которая переводит театру два раза по 450 и один раз 300 рублей. За что? Ну конечно же, «за аренду помещения».

Вслед за этим Лендорстрой дарит театру еще 1200 рублей. За что? Вы угадали: «за аренду». Правда, банк не принимает платежное поручение, чувствуя «липу». Трест настаивает. Банк снова возвращает поручение. Трест лезет на рожон — и банк сдается...

Если суммировать все вечера, когда театр сдавался в аренду под «целевые мероприятия», возникнет деловой вопрос: в когда же там играли? Когда Отелло душил Дездемону, а Платон Кречет делал операцию?

Отелло в силу недостатка времени не душил Дездемону, зато Малиновская душила Театр драмы и комедии. Малиновская душила театр долго, расчетливо и умело: деньги за те билеты, которые она все же распространяла, она брала себе, а перечисления, о которых рассказано выше, обращались в погашение ее постоянной задолженности. При этом за-

долженность доходила до десятка тысяч рублей.

Статус-кво удовлетворяло директора театра Николая Семеновича Трофимова и главного бухгалтера Няну Моисеевну Берлин. Берлин и Трофимову как-то не приходило в голову, что тут что-то не того. По их словам, они недопонимали, недооценивали, недоулавливали. И, недоулавливая, охотно заключали с Малиновской ежегодные договоры, снабжали ее липовыми справками и зачисляли на ее счет неизвестно за что полученные перечисления.

Но вот в Театр драмы и комедии пришел ревизор. Не тот ревизор из Областного управления культуры, который копался четыре месяца и ничего невозможного не обнаружил. Пришел ревизор, который обнаружил. И тогда Николай Семенович схватился за голову:

— Ах, как мы недосмотрели! Пропала моя головушка!

А Няна Моисеевна торопливо вырвала из тетрадки листок и неровным почерком написала: «Прошу меня уведомить по собственному желанию».

После чего последовало возмездие в виде приказа по Управ-

лению культуры № 4 от 12 января 1970 года. Возмездие обрушилось на головы виновных и потрясло всех. Директору Трофимову «за допущенные нарушения финансовой дисциплины» ставилось на вид. Что касалось бухгалтера Берлин, то начальник управления тов. Гришина принимала «к сведению заявление тов. Берлин об освобождении ее от работы в театре с 1 февраля с. г.».

Потрясенный Трофимов немедленно пришел в себя, а слегка испуганная Берлин тут же забрала свое заявление обратно. Осталась в растерянности лишь Малиновская. Она так и не поняла, продолжать ли ей проведение прежних «целевых мероприятий» или же разработать новые.

Топтание подозрительных лиц у храма Мельпомены продолжается. «Горящий» театр процветает.

Ю. БОРИН

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА 3
стр.

26 апреля 1970 г.